

А.М. Сунгурский

СКАЖИ, ЧТО Я БЫЛ ДОМА

А.М. Сунгурский

Скажи, что я был дома

<https://litres.ru/74506333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глеб солгал следователю, чтобы защитить сестру: в вечер убийства Ульяна якобы была у него дома. Только сестра уже дала ему алиби — у себя, в квартире их матери.

Вечером, после дня рождения матери, их давний друг Денис Вершинин был убит в своей фотостудии. Глеб приезжал к нему просить отсрочку выплаты долга. Ульяна ушла от Дениса ещё раньше — после ссоры, с порезанной ладонью. Теперь каждый боится спросить другого, что произошло потом.

Чтобы исправить показания, Глебу придётся признаться, где он был на самом деле, и перестать решать за сестру, что ей лучше скрыть. Но чем точнее становится картина того вечера, тем дороже ему обходится каждое честное слово.

Психологический триллер о семейной верности и правде, которую страшнее всего произнести дома.

Содержание

Глава 1. Не тот адрес	4
Глава 2. Шестьдесят одна свеча	13
Глава 3. Ты был у меня	28
Глава 4. Порез на ладони	38
Глава 5. За чужой дверью	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

А.М. Сунгурский

Скажи, что я был дома

Глава 1. Не тот адрес

Глеб исправил номер квартиры и оставил неправду.

В протоколе стояло тридцать семь. Он жил в семьдесят третьей. Остальное было напечатано верно: сестра пришла около девяти, они пили чай, потом она задремала на диване. Около одиннадцати он вызвал ей машину.

Ульяна вчера не приходила.

Глеб провёл ногтем под строкой с адресом, стараясь не задеть содранную кожу на костяшках. Рядом с его рукой лежала ручка следователя — толстая, с резиновым держателем. Такая не выскальзывала бы даже из мокрых пальцев.

— Здесь наоборот, — сказал он. — Семьдесят три.

Кира Белова повернула лист к себе.

У неё были короткие светлые волосы, тёмный свитер и небольшие часы на внутренней стороне запястья. Глеб заметил часы, когда она забирала у него паспорт. Теперь при каждом движении руки они появлялись из-под рукава и опять исчезали. Он не мог перестать на них смотреть.

— Номер дома правильный?

— Да. Нагорная, четырнадцать.

Она внесла исправление. Снова подвинула ему протокол.

Было начало второго. В кабинете уже пахло чьим-то разогретым обедом; запах проходил сквозь неплотно прикрытую дверь. В коридоре звонил телефон. Человек с низким голосом дважды повторил, что не может сейчас подойти, и всё-таки куда-то пошёл.

У Глеба в кармане лежал свой телефон. Ульяна не ответила на утреннее сообщение. Под именем сестры оставались две серые галочки.

Он мог позвонить. У него было достаточно времени и в машине, и на стоянке перед зданием, и потом на скамье, где женщина напротив перекладывала из рук в руки пакет с мужскими ботинками. Можно было спросить: где ты была после Дениса? Что у тебя с рукой? Почему мама сказала, что ты всю ночь не могла успокоиться?

Он написал только: «Ты как?»

Ещё вчера Глеб написал ей, что сначала надо думать, а потом делать глупости. Он успел прочесть её ответ в уведомлении: «Ты даже не спросил». После этого она перестала отвечать.

Сейчас ему было удобно считать, что звонить бесполезно.

— Прочитайте всё, пожалуйста, — сказала Белова. — Если что-то изложено не так, дополните.

В начале разговора она объяснила его права. Глеб мог не давать показаний против себя, матери, родной сестры. Мог пригласить адвоката. Белова произносила это без нажима, не

испытывая его на знание правильного ответа. Когда спросила, понятно ли, он сказал, что понятно.

Потом она уточнила, готов ли он давать показания.

Он согласился.

Отказ казался Глебу слишком заметным. Он представлял, как Белова ставит возле имени Ульяны ещё одну отметку: брат не отвечает. В этой воображаемой отметке уже содержалось обвинение. Никакой отметки перед ним не ставили, но он успел её увидеть.

Теперь отказать было бы легче, чем читать дальше.

Он прочёл.

С Денисом Вершининым знаком около пятнадцати лет. Денис занимался фотографией, поддерживал отношения с его матерью и сестрой. С Ульяной они работали вместе. Вчера все встречались у матери по случаю дня рождения. Ларисе Павловне исполнился шестьдесят один год.

Глеб сам назвал возраст, хотя Белова его не спрашивала.

После ужина он заезжал в студию Вершинина в Речном проезде. Разговаривали о личных делах. Он ушёл примерно без десяти девять. В этот момент Денис был жив, стоял у кухни и искал чистую кружку.

Это было правдой.

Белова попросила точнее объяснить, что он понимает под личными делами. Глеб сказал о долге. Восемьдесят тысяч из двухсот пятидесяти он уже вернул. Остальное обещал отдать к концу ноября.

— Был спор о сроке?

— Разговор. Не спор.

Она посмотрела на его руку. Глеб опустил её под стол, затем вернул: движение показалось ему хуже самой царапины.

— Зацепил о дверь, когда выходил. У него там металлическая планка.

— Кровь была?

— Немного.

— Денис оказывал вам помощь?

— Нет.

Денис предложил салфетку. Глеб сказал, чтобы тот оставил её себе. Он помнил предложение, помнил собственный ответ и не понимал, нужно ли теперь добавлять их в протокол. Это выглядело бы мелочью, за которую он цепляется, чтобы не сказать чего-то большего.

После студии он поехал не домой.

На Сосновой у Жанны не работала кнопка домофона: её давно продавили внутрь панели. Глеб набрал бывшую жену с телефона. Она не открыла сразу. Спросила, что случилось. Он сказал, что был неподалёку.

Он никогда не оказывался у неё случайно. До Сосновой требовалось свернуть с прямой дороги, пересечь трамвайные пути и объехать квартал с односторонним движением. Жанна это знала.

Она пустила его в подъезд. Потом в квартиру. На этом её гостеприимство закончилось.

Глеб провёл там больше часа. Сначала стоял в прихожей, потом сидел на краю обувной тумбы. Они говорили негромко, потому что Даня был в комнате. Разговор получился такой, что на выходе Глеб не смог попасть ключом в автомобильный замок, хотя машину можно было открыть кнопкой.

Он не хотел рассказывать Беловой, что почти просил бывшую жену разрешить ему вернуться.

Но дело было не в этом. Стыд можно было пережить. Если сказать о Жанне, сестра останется одна со своим вечером. С перебинтованной ладонью. С маминой фразой: «Я её такой ещё не видела».

Жанна могла подтвердить только его присутствие.

Он придумал общее.

— Тут всё? — спросил Глеб.

Белова не торопилась отвечать.

— Это ваши показания. Вы подтверждаете, что записано верно?

Глеб взял ручку. Его собственная подпись выглядела на листе неуверенно: первую букву он вывел слишком крупно, потом пришлось сжимать остальные.

Он подписал каждую страницу.

Белова собрала листы, выровняла края о стол и положила сверху паспорт.

— Мне нужно будет ещё кое-что уточнить. Вы не против подождать?

Он сказал, что нет.

В коридоре стояла мать.

Глеб не сразу её узнал. Лариса Павловна сняла пальто, перебросила через локоть, а на плечи накинула его старый тёмный свитер. Он оставил свитер у неё весной, когда помогал менять карниз. Мать обещала зашить маленькую дырку у манжеты и так и не вернула. Теперь из слишком длинного рукава торчали её пальцы с квадратными ногтями.

— Ты почему без куртки сидел? — спросила она.

— В кабинете тепло.

— В коридоре тянет. Я же чувствую.

У неё был пакет. Внутри, сквозь белый пластик, виднелась синяя коробка из-под печенья.

— Я тебе котлеты принесла. Ты утром ничего не ел.

— Мам, здесь не надо.

— Я не предлагаю здесь есть. Заберёшь с собой.

Она держала пакет правой рукой. Левой придерживала пальто, прижимая локоть к боку. Глеб хотел забрать у неё всё сразу, но мать повернулась и села на скамью прежде, чем он успел дотянуться.

— Тебя тоже вызвали?

— Конечно. Мы же все вчера были вместе.

Это слово повисло между ними, и Глеб посмотрел на дверь кабинета.

— Что ты сказала?

— Как было, так и сказала. А что я должна была сказать?

Лариса Павловна подняла глаза. В белках проступали

красные сосуды. Утром по телефону она плакала, но теперь лицо было сухим, а вокруг губ образовалась бледная складка. Глебу захотелось отпустить всё, обнять её и увезти домой.

Он не мог представить Дениса лежащим в студии. Вместо этого видел, как тот вчера у матери подхватил падающую свечку двумя пальцами и сразу сунул обожжённые пальцы в рот. Ульяна сказала, что свечку можно было уронить на тарелку. Денис ответил, что теперь будет знать, и рассмеялся.

Смех никак не соединялся с утренним звонком.

— Улю ты видела?

Мать посмотрела в конец коридора.

— Она раньше была.

— Ушла?

— Не знаю. Здесь никто ничего не говорит. Я просила, чтобы вас вместе выслушали. Им так не подходит.

— А зачем вместе?

— Чтобы не переспрашивать одно и то же.

Соседняя дверь открылась. Из неё вышел мужчина с папкой и попросил Ларису Павловну пройти. Мать поднялась, оставила пакет Глебу и попыталась расправить на нём ворот рубашки.

— Не дёргайся, — сказала она. — У тебя загнулось.

Он стоял, пока она поправляла ткань. Потом дверь за ней закрылась.

На синей коробке под пластиком был рождественский олень. Глеб помнил, как Даня в прошлом году отодрал у

него один нарисованный рог вместе с верхним слоем картона. Мать заклеила это место прозрачным скотчем. Через скотч по-прежнему проглядывал белый обрыв.

Глеб положил пакет на скамью и достал телефон.

Сообщение Ульяны пришло двадцать минут назад.

«Не уезжай».

Он набрал её. Вызов пошёл, но сестра появилась из-за поворота раньше, чем ответила. Она держала телефон в здоровой руке. На другой, у основания большого пальца, белела повязка. Рукав куртки был застёгнут не до конца.

Ульяна остановилась, увидев коробку с оленем.

— Мама здесь?

— Её позвали.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

Она не ответила. В коридоре было слишком тихо, чтобы начать говорить о важном, и слишком много людей, чтобы помолчать без внимания. Ульяна присела рядом, но оставила между собой и братом пакет.

— Ты что им рассказал? — спросила она.

Глеб почувствовал облегчение. Сам вопрос означал, что она понимает. Что можно не объяснять, почему он сделал это, а сразу перейти к тому, как им теперь быть.

— Что ты была у меня.

Ульяна смотрела на него несколько секунд. Потом прикрыла рот пальцами.

— Во сколько?

— После девяти. До одиннадцати. Я не стал говорить, что ты ночевала.

— Господи.

— Что?

Она наклонилась к нему. От её куртки пахло чужим стиральным порошком — сладко, как в маленьких магазинах, где продавцы раскладывают ароматические пакетики между полотенцами.

— Я сказала, что ты был у меня.

Глеб посмотрел на повязку, на пакет, на дверь, за которой разговаривала мать.

— На Мостовой?

Ульяна кивнула.

Он хотел спросить, зачем она это сделала. Первое слово уже поднялось к горлу. Но сестра тоже открыла рот, и он понял, что она сейчас задаст ему точно такой же вопрос.

Глава 2. Шестьдесят одна свеча

За сутки до допроса Глеб стоял в магазине у открытого холодильника и пытался вспомнить, какое вино пьёт мать.

Белое. В этом он был уверен. Но сухое или полусладкое, он не знал. Мать никогда не покупала себе бутылку; дома появлялись только те, что приносили гости. Она наливала немного в узкий бокал, благодарила и потом доедала торт ложечкой, не допив. Из этого можно было вывести что угодно.

Глеб взял полусухое. На кассе добавил шоколад, хотя шёл на день рождения с тортом. Ему часто казалось, что одного подарка мало, а несколько мелких вещей способны скрыть, что настоящего он не придумал.

Мать хотела новый чайник. Прислала фотографию месяца назад: простой белый, без подсветки. Глеб заказал похожий, но курьер перенёс доставку. Теперь в машине лежали вино, конфеты и конверт с деньгами на чайник, который мать, скорее всего, не купит.

Ульяна открыла раньше, чем он нажал звонок второй раз.

— Ты опять с этим?

Она посмотрела на коробку торта.

— Хороший торт.

— Мама просила без орехов. У Риты зуб.

— Он не весь из орехов.

— Отлично. Рита сможет облизать.

Ульяна отошла от двери. На ней были чёрные брюки и светлая футболка, которую мать называла домашней из-за широкого ворота. На запястье — тонкая резинка для волос. Сестра выглядела так, будто собиралась выйти, но её ненадолго задержали.

В прихожей стояли две плоские коробки. Глеб поставил на них торт.

— Только не туда.

Ульяна подхватила коробку снизу раньше, чем он успел отпустить.

— Там стекло?

— Мои отпечатки.

— А почему здесь?

— Потому что я их здесь поставила.

Глеб снял ботинки. Сестра понесла торт на кухню, и он пошёл за ней, держа пакет так, чтобы не стукнуть бутылкой о косяк.

Мать сидела за столом напротив Дениса. Перед ней стояла маленькая миска с нарезанными яблоками. Денис чистил ещё одно; длинная тонкая полоска кожуры свисала с ножа.

— Ну вот, — сказала мать. — Теперь все.

Она поднялась навстречу сыну. Глеб обнял её и сразу почувствовал под ладонями праздничную блузку, скользкую, незнакомую. Мать купила её давно, но надевала редко. Под воротником торчал белый уголок ярлыка.

— С днём рождения, мам.

— Спасибо. Ты чего столько принёс?

Она приняла пакет, заглянула внутрь, отставила вино ближе к стене и потянулась за тарелками. Денис поцеловал её в щёку ещё раз, будто поздравление Глеба было сигналом для общего повторения.

— Я ей говорю: сегодня не работаем, — сказал он. — Посадил чистить яблоки. Через минуту смотрю — она мне нож отдаёт.

— Ты толще режешь, вкуснее будет.

— Вот. Любую повинность объяснит удовольствием.

Мать засмеялась. Глеб тоже. Ульяна, стоявшая у раковины, ничего не сказала.

Рита пришла с пятого этажа в тапочках и с пирогом, прикрытым полотенцем. Лариса Павловна взяла у неё блюдо, велела сесте и принесла под спину подушку. Рита недавно упала в автобусе и теперь каждый раз, когда садилась, говорила, что ничего страшного, просто неудобно.

За столом теснились так же, как десять лет назад. Глеб всё ещё сидел боком у холодильника и при каждом открывании дверцы подтягивал колени. Денису достался табурет возле окна. Он поставил ножку на сложенную бумажку, проверил, не качается ли, и предложил принести из мастерской нормальный.

— Не надо ничего тащить, — сказала мать. — Этот ещё меня переживёт.

— Мам, ну зачем так?

— А что? Хороший табурет.

Она протянула Глебу салат, минуя Ульяну. Сестра сама дотянулась до блюда.

Первым позвонил Даня. На экране он был виден снизу: подбородок, ноздри и полоса белого потолка. Лариса Павловна несколько раз сказала, что не видит его лица, и стала наклонять свой телефон вместо того, чтобы попросить внука поднять камеру.

— Баб, с днём рождения.

— Спасибо, мой хороший. Ты ел?

— Да.

— Что?

— Еду.

Глеб услышал за кадром Жанну: «Даня, нормально скажи».

Мальчик поставил телефон на кружку. Теперь было видно его целиком, в футболке с расплывшимся после стирок космонавтом. Он держал лист, исписанный цветными фло-мастерами.

— Я тебе открытку сделал. Только принтер не работает, так что она настоящая.

Рита заохала. Мать придвинула экран почти вплотную к глазам.

— Покажи медленно. Я прочитать не успеваю.

На листе была шестьдесят одна маленькая свечка. Даня объяснил, что сначала рисовал по десять, потом сбился и пе-

ресчитал. Одну пришлось дорисовать сбоку. Эта отдельная свечка больше других походила на ракету.

— Она запасная, — сказал Денис. — На следующий год.

— Нет. Их ровно.

— Верю, верю.

Денис поднял обе руки. Глеб взял телефон у матери, чтобы поговорить с сыном, но Даня уже начал рассказывать бабушке про воскресенье: он принесёт открытку сам, если мама отвезёт. Лариса Павловна тут же сказала, что отец забереёт его утром.

Глеб кивнул. Он не знал, может ли в воскресенье: на работе просили выйти вместо заболевшей продавщицы. Но исполнять обещание при всех не стал.

— Я привезу, — сказал он.

На экране появилось плечо Жанны.

— Сначала мы это обсудим. Даня, поздравил? У нас ещё ужин.

Лариса Павловна поблагодарила её за звонок и попросила не кормить мальчика одними макаронами. Жанна пожелала хорошего вечера. Экран потемнел.

— Всё куда-то спешит, — сказала мать, положив телефон. — Праздник ведь.

Глеб отодвинул стакан. Раньше он в такие минуты начинал защищать Жанну, потом жаловался ей, что весь вечер пришлось оправдываться. Теперь защитить означало признать, что ему до сих пор важно её мнение.

Он предложил разрезать пирог.

Разговор перешёл на Ритин зуб, затем на ремонт лифта. Денис рассказал, как снимал утром рекламу детских сапог и один маленький участник потребовал гонорар деньгами, потому что сапоги у него уже есть. Мать смеялась, вытирая уголки глаз салфеткой. Глеб смотрел на неё и думал, что напрасно торопился: вот ради этого и стоило приехать.

Потом Лариса Павловна спросила у Дениса, где они будут снимать на следующей неделе.

— Я — в студии. Уля, возможно, уже в другом месте.

Ульяна положила вилку.

Денис заметил это и поправился:

— У неё собеседование. Не будем раньше времени.

— Я знаю, — сказала мать.

По лицу было видно, что не знала.

— Нам люди нужны не постоянно. То работа, то ничего, — продолжил Денис. — А там каталог круглый год. Она умеет, пусть попробует.

— Конечно, пусть. Только далеко ездить.

— Не так уж.

— Это вам легко. Я в семь уже на ногах, а она иногда до двух ночи сидит. Когда выспаться?

— Мам, я сама разберусь.

— Я и говорю: разберись. Кто тебе мешает?

Рита поспешила спросить, будут ли снимать настоящих моделей. Ульяна ответила, что предметы. Денис потянулся

за кувшином и задел локтем пустой стакан. Стакан покати́лся по клеёнке, но не упал.

Глебу вдруг стало досадно на сестру. День рождения у матери был раз в году. Можно было выбрать другое время для этого выражения лица.

— Нормальное дело, — сказал он. — Только сначала узнай, что за контора. А то опять наобещают.

— Опять?

— Ну, ты поняла.

— Нет.

Денис посмотрел на него поверх кувшина.

Глеб откусил пирог. Начинка была горячей, он обжёг нёбо и некоторое время мог ничего не отвечать.

* * *

Свечи на торте оказались короткими. Мать положила их в ящик ещё весной, после другого праздника. Денис поставил шесть, а седьмую воткнул посередине, объявив, что шесть обозначают десятилетия, а седьмая — ещё один год. Рита возразила, что арифметика неправильная, и они начали спорить с серьёзностью людей, которым приятно иметь безопасный повод для спора.

Одна свеча накренилась. Денис поймал её, вскрикнул и сунул пальцы в рот.

— На тарелку можно было, — сказала Ульяна.

— Теперь буду знать.

Он засмеялся первым. Мать дула долго, несколько раз,

и последняя свеча упорно загоралась от красного уголька. Глеб накрыл её ложкой.

На фотографию все встали за матерью. Снимала Ульяна, поэтому сама в кадр не попала. Денис предложил поменяться, но она сказала, что снимков достаточно.

Она уехала с ним через десять минут.

— Только бумаги заберу, — объяснила матери. — И штатив.

— Зачем ночью? Завтра нельзя?

— Ещё половина восьмого.

— Хорошо, Уля. Я просто спросила.

Денис задержался в дверях. Подержал взгляд на Глебе и кивнул в сторону коридора.

Там, возле коробок с отпечатками, он заговорил тише:

— Ты мне до понедельника позвони. Договоримся по остатку.

— Мы уже договорились.

— Про ноябрь ты сам написал. Я ничего не подтвердил.

— Здесь обязательно?

— Я тебя месяц поймать не могу.

Глеб услышал, как на кухне мать спросила Риту, завернуть ли ей пирог. Рита отвечала так громко, будто обеспечивала им защиту от чужих ушей.

— Заеду, — сказал он.

— Сегодня я до десяти буду. Если хочешь.

Это «если хочешь» рассердило его сильнее требования.

Как будто выбор по-прежнему оставался за ним.

После ухода гостей Глеб помог матери сложить стулья. Рита осталась мыть посуду, хотя Лариса Павловна трижды велела ей идти домой. На третий раз мать сама вложила ей в руку губку.

— Ты с Улей поговори, — сказала она сыну, когда Рита включила воду. — Только спокойно. Она тебя слушает.

— О чём?

— О том, что нельзя всё разом бросать. Работа, дом. Денис ей наговорит, а разбираться потом кто?

— Она съезжает?

Мать поправила на столе клеёнку.

— Это ты у неё спроси.

Глеб взял куртку. На лестнице написал сестре, что сначала надо думать, а потом делать глупости. Ответ пришёл почти сразу: «Ты даже не спросил». Он хотел объяснить, что имеет в виду работу, а не её жизнь целиком, но это было бы неправдой. Он имел в виду всё.

* * *

У входа в бывшую типографию пахло мокрым картоном. В здании помещались шинный склад, студия и контора с золотой надписью, половина букв которой не горела. Глеб поднялся по знакомой лестнице. Денис открыл ему раньше, чем он дошёл до площадки: услышал шаги.

— Проходи. Ули нет уже.

— Я к тебе.

В студии горел рабочий свет — резкий, без тёплых ламп, при которых Денис обычно принимал клиентов. Белый фон был скручен наполовину. Возле кухонного угла стояли совок и щётка. На стене над плинтусом виднелся влажный след.

— Что тут?

— Убирал.

Денис поставил щётку за дверцу шкафчика. На столе лежали два пластыря в разорванных упаковках. Один он выбросил, другой смахнул туда же ладонью.

Глеб не спросил. Он уже приготовился к разговору о деньгах и не хотел уступать начало.

— Я верну. Но до ноября никак.

— Мне за аренду платить сейчас.

— У тебя бизнес идёт.

— У меня бизнес, Глеб. Именно поэтому.

Денис налил воду в чайник. Рядом с ним стояла тяжёлая прозрачная ваза с засохшими стеблями. Глеб подумал, что фотографии у Дениса получаются чище, чем место, в котором он их делает.

Он начал перечислять: аренда торгового места, закупка, тот поставщик, который исчез. Всё это Денис уже слышал. Два года назад Глеб ушёл из мебельного салона и решил сам продавать кухонные фасады. Через восемь месяцев вернулся на похожую работу, только в другой салон и с долгами. Денис дал ему деньги в тот момент, когда Глеб ещё называл происходящее временными трудностями.

— Я тебе не про причины, — сказал Денис. — Я про дату.

Глеб вытащил телефон, открыл банковское приложение и показал остаток. Делать этого не следовало. Чужой взгляд на маленькую сумму унижал сильнее, чем отказ.

— Видишь?

— Вижу. Мне не надо смотреть.

— А что тебе надо?

— Чтобы ты отвечал, когда я звоню.

Они помолчали. За стеной заскрежетала металлическая тележка: кто-то двигал её по двору.

Потом Глеб спросил про Ульяну.

Денис сразу убрал чашку от края стола. Не испуганно — осторожно, будто в тесной комнате стало больше людей.

— Сам с ней поговори.

— Она мать бросит, ты это понимаешь?

— Твоя мать ходит на работу за справками для бывших коллег быстрее, чем я по утрам в магазин. Почему ей нельзя жить одной?

— Ты не знаешь.

— Чего?

— Всего.

Денис потёр обожжённые за ужином пальцы.

— Тогда объясни мне это всё.

Глеб не смог. Мать не была беспомощной. Врач не запрещал ей оставаться дома. Деньги у неё были скромные, но уход Ульяны ничего в этом не менял: сестра и сейчас поку-

пала продукты чаще, чем платила какую-то условную плату за комнату. Объяснение состояло из множества вечеров, когда мать ждала их, грела ужин, сидела с Даней, давала ему деньги из своей пенсии и говорила, что ей ничего не надо.

Все эти вечера нельзя было сложить в один убедительный довод.

— Не лезь к нам, — сказал он.

— Я ей работу нашёл. И знакомой позвонил насчёт квартиры. Это не называется лезть.

— Тебя просили?

— Да, Глеб. Представь.

Он сказал это устало, но Глеб услышал насмешку.

У двери он обернулся. Хотел сказать что-нибудь такое, после чего Денис сам почувствует себя должником. Рука соскользнула с ручки; костяшки зацепились за край металлической планки. На коже проступили две короткие полосы крови.

— Салфетку возьми, — сказал Денис.

— Себе оставь.

В последний раз Глеб увидел его возле кухни. Денис поднял чашку, посмотрел внутрь и поставил обратно: видимо, грязная. Никакой важности в этом движении не было. Оно стало последним только потом.

Внизу Глеб написал Ульяне: «С Денисом я разобрался. Возвращайся домой».

Он не разобрался ни с чем. Ему просто хотелось, чтобы

кто-нибудь поверил, что разговор принёс результат.

* * *

Жанна впустила его после второго звонка. В прихожей пахло картошкой и влажной курткой сына.

— Что с рукой?

— Ничего. Зацепил.

— Помой. Только белым полотенцем не вытирай.

Из комнаты доносился голос Дани: он объяснял кому-то через наушники, что ещё не закончил. Глеб позвал его. Сын вышел, обнял одной рукой, потому что в другой держал телефон, и спросил, останется ли отец надолго.

— А что?

— Мы с Вадиком делаем презентацию.

— Вечером в пятницу?

— До завтра надо отправить.

Глеб хотел сказать, что надо было раньше, но Жанна уже смотрела на него. Даня ушёл в комнату.

Разговор начался с воскресенья. Глеб попытался объяснить, почему не может обещать точно. Жанна напонила, что обещание уже прозвучало при мальчике. Он сказал, что мать его опередила. Жанна ответила: «А кивнул ты».

Потом они говорили о деньгах. Потом — о том, что он звонит поздно. Потом Глеб вдруг сказал:

— Я могу какое-то время здесь пожить. Пока со всем не разберусь.

Жанна стояла у дверного косяка. На ней был старый зелё-

ный кардиган, который он помнил ещё по их общей квартире. На локте распустилась петля. Глеб смотрел на эту петлю с нелепой нежностью: вещь была прежняя, значит, хоть что-то осталось.

— Нет, — сказала она.

— Я не про то, чтобы всё сразу. Просто...

— Нет.

Он сел на обувную тумбу. Она скрипнула под ним. Жанна не предложила пройти на кухню, и от этого разговор казался временным, как задержка у человека, который сейчас переживает и всё-таки даст войти.

— Ты даже не слушаешь.

— Я слушала. Ты называешь это пожить, а через неделю мы окажемся виноваты, что не помогли тебе начать заново.

— Мы?

Жанна посмотрела на закрытую дверь сына.

Глеб стал говорить тише. Это не сделало его слова лучше.

Пока они спорили, Даня вышел за водой. В руке у него снова был телефон.

— Бабушка не читает, — сказал он. — Я ей ещё написал.

— Она с Ритой, наверное, — ответил Глеб.

Он не знал, с кем была мать. Просто заполнил пустое место знакомым ответом.

Когда он наконец ушёл, часы на панели машины показывали десять минут одиннадцатого. Глеб несколько раз промахнулся ключом, потом вспомнил кнопку. Костяшки жгло.

Он долго сидел за рулём, не заводя двигатель, и слушал, как под капотом другой машины включается и выключается вентилятор.

Мать позвонила, когда он уже был дома.

— Уля пришла, — сказала она. — С рукой. Я её такой ещё не видела.

Глеб встал с кровати.

— Что с рукой?

— Говорит, порезала. Ты с ней разговаривал?

— Писал.

— Что ты ей написал?

Он пересказал сообщение. Мать долго молчала, и Глеб начал оправдываться, хотя она ничего не спросила.

— Ты только больше никуда не ездил сегодня, — сказала она наконец. — Побудь дома. Хорошо?

Он согласился.

Утром эти слова вспомнились ему раньше, чем он понял, почему мать плачет.

Глава 3. Ты был у меня

Первое, что предложил Глеб, было ещё одной ложью.

— Может, сказать, что ты перепутала?

Ульяна убрала руку от рта.

— Адрес?

— Не адрес. Сначала была у меня, потом мы поехали к вам. Ты про вторую часть говорила.

Он произнёс это быстро, пока из слов ещё можно было сложить последовательность, похожую на вечер. Ульяна слушала и смотрела на его телефон.

— А машину кто вёл?

— Я.

— Ты сказал, что мне такси вызвал.

Глеб оглянулся. Мужчина у окна перестал перебирать бумаги. Возможно, он просто ждал своей очереди. Возможно, слушал.

— Не здесь, — сказал Глеб.

Они вышли к лестнице. Ульяна шла первой, держась подальше от перил. Глеб нёс пакет с котлетами. В пустом пролёте запах еды стал отчётливее, и ему захотелось выбросить пакет, как будто именно он делал происходящее нелепым.

— Ты была у Дениса, — сказал он.

— Да.

— Во сколько ушла?

— Я им сказала. Около половины девятого. Немного раньше.

Глеб отпустил воздух, который задерживал с момента, когда увидел её повязку.

— Я после тебя пришёл. Он был живой, Уля. Я ушёл без десяти девять. Он стоял, разговаривал со мной.

Сестра подняла голову.

— Правда?

— Конечно правда.

Она смотрела на него так, будто он уже однажды сказал это и нарушил обещание.

— Он тебя провожал?

— До кухни дошёл. Кружку искал. Я дверь за собой закрыл.

— Вы подрались?

— Нет.

Ульяна посмотрела на его костяшки. Глеб раскрыл ладонь, хотя царапины были с другой стороны.

— Об дверь. Я Беловой рассказал.

— Ты ей много чего рассказал.

Он хотел возмутиться. Но на третьем этаже, в кабинете, лежали страницы с его подписью. Нельзя было требовать, чтобы сестра считала его правдивым только потому, что сейчас ему это было необходимо.

— Ты вернулась потом? — спросил он.

— Нет.

— Точно?

— Вот сейчас ты что делаешь?

Глеб поставил пакет на подоконник. Через стекло был виден внутренний двор, где двое мужчин курили возле серого автомобиля. Один держал сигарету в кулаке, пряча от ветра. Глеб сосредоточился на этом движении, чтобы не смотреть на руку сестры.

— Я пытаюсь понять.

— Нет. Ты пытаешься получить ответ, который тебе понравится. Я сказала: не вернулась.

— Тогда где была?

Ульяна закрыла глаза. На лестнице хлопнула дверь. Они оба замолчали, пока женщина с большой сумкой не поднялась мимо них.

— В другом месте, — сказала сестра.

— Это не ответ.

— А ты где?

Глебу пришлось признать, что вопрос был справедливым.

— У Жанны.

Он назвал улицу, время, сказал про Даню. Ульяна слушала, не перебивая. Когда он дошёл до десяти минут одиннадцатого, она спросила:

— Она подтвердит?

— Должна.

— Тогда почему ты не сказал?

— Из-за тебя.

Облегчения на её лице не появилось. Ульяна прислонилась плечом к стене и осторожно сдвинула край повязки.

— Не надо мне это отдавать, — сказала она.

— Что?

— Свой ответ. Ты сам его придумал.

Глеб вытащил из пакета коробку, потом сунул обратно. Дно зацепилось за ручку, и полиэтилен треснул. Крошечное повреждение вызвало в нём ярость, которой не находилось места.

— Я хотел помочь.

— Я тоже.

Они наконец посмотрели друг на друга.

Ульяна сказала, что утром прочитала его сообщение ещё раз. «С Денисом я разобрался». Накануне оно вызвало злость: брат опять поехал решать за неё. После звонка о смерти Дениса слова изменились. В них оказался другой смысл, которого она не могла перестать слышать.

Мать добавила, что Глеб принял всё близко к сердцу. Что за неё вступился. Что у него и так много бед.

— Ты сама мне никогда не говорила про его деньги, — сказал Глеб.

— Он говорил. Вчера.

— Что говорил?

— Что не собирается тебя кормить. Что если ты снова пропадёшь, будет разбираться через суд.

Это было похоже на Дениса и не похоже одновременно.

Глеб вспомнил, как показал ему банковский остаток. Захотелось объяснить, что не пропал, просто не знал, что сказать. Но это объяснение он уже давал.

— И ты решила, что я его убил?

Ульяна долго не отвечала.

— Я решила, что не хочу услышать от тебя «да».

Внизу открылась дверь. По лестнице потянуло холодом.

Глеб вдруг увидел сестру не такой, какой она сидела за столом у матери, и не такой, какой была на школьной фотографии с перекошенным бантом. Увидел взрослую женщину, которая утром испугалась, придумала выход и теперь стояла рядом с ним, не имея возможности вернуться на час назад.

— Но почему к вам? — спросил он. — Мама же там.

— Потому что мы всегда туда приходим. Я думала, что после Дениса ты поедешь домой, и...

Она остановилась.

— Я знала, что ты к Денису заезжал. Потом мама сказала, что говорила с тобой. У меня всё смешалось. Не время — я время сама добавила. Решила сказать, что после девяти ты уже был у нас. Думала, мама не станет отрицать, если её спросят. Она всегда говорит: сначала своих надо защитить.

Глеб смотрел на неё.

— Ты спросила маму?

— Нет. И тебя не спросила. Я понимаю, как это звучит.

Она произнесла последнее тихо, без вызова. Ему стало тя-

желее спорить.

— Белова объясняла, что можно не отвечать?

Ульяна кивнула.

— Я решила, если начну молчать только про тебя, всё станет ясно. Она этого не говорила. Я сама так подумала.

Глеб опустился на ступеньку. Его собственная воображаемая отметка напротив имени сестры оказалась не личным открытием. Они оба придумали её, сидя перед одним и тем же столом.

— Надо вернуться, — сказала Ульяна.

Он сразу поднял голову.

— Сейчас?

— Когда?

Глеб представил, как входит к Беловой и говорит, что всё подписанное — выдумка. Что сестра тоже придумала. Следовательно спросит, где они были на самом деле. Он назовёт Жанну. Ульяна опять скажет «в другом месте».

— Сначала нужно понять, как это сделать, — сказал он.

— Сказать словами.

— А если тебя после этого не отпустят?

— Почему именно меня?

Он не знал. Повязка выглядела страшнее его царапин. Сестра не называла своего адреса. В голове оставалась материнская фраза про то, какой она вернулась. Всё вместе казалось причиной, хотя ни одна часть не отвечала на вопрос.

Ульяна присела на ту же ступеньку, чуть поодаль.

— Я не хочу сейчас опять за тебя решать, — сказала она.
— Но и слушать, как ты придумываешь мне машину, не хочу.

— Ладно.

— Не «ладно». Больше ничего не сочиняем.

Глеб кивнул. Это было маленькое обещание, которое пока позволяло не исполнять большое: вернуться и признаться.

* * *

Белова сама нашла их через несколько минут. Она вышла к лестнице, остановилась у двери и не стала делать вид, будто не заметила пакет и место, на котором они сидели.

— Глеб Викторович, зайдите, пожалуйста.

Ульяна поднялась следом.

— Пока вы подождите. Я потом вас приглашу отдельно.

В кабинете на столе уже лежал другой протокол. Глеб не мог прочесть имя, только увидел страницы, заполненные тем же ровным шрифтом.

Белова спросила, уверен ли он во времени приезда Ульяны.

Он сказал, что да, и сразу понял, что нарушает их обещание. Новой истории он не придумывал. Просто укреплял старую.

— Вы называли Нагорную, четырнадцать. Квартира семьдесят три.

— Да.

— Ульяна Викторовна указала другой адрес вашего сов-

местного пребывания. Мостовую, восемь.

Глеб молчал.

— За вечер вы меняли место?

— Нет.

Он успел остановить историю про поездку. Это показалось почти честностью.

— Можете объяснить расхождение?

— Я хочу сначала поговорить с адвокатом.

Белова положила ручку. Ни раздражения, ни удовлетворения он на её лице не увидел.

— Это ваше право. Давайте уточним, на какие вопросы вы сейчас отвечать не будете.

Они уточнили. Разговор занял меньше времени, чем Глеб боялся. Ему не сказали, что отказ доказывает его вину. Не потребовали немедленно позвонить сестре. Белова предупредила, что сведения о маршрутах будут проверяться и с ним свяжутся. Глеб услышал в этом угрозу, хотя она говорила о работе, которую уже должна была делать.

Когда он вышел, на скамье сидела только мать.

— Улю позвали, — сказала она. — Ты бледный.

Глеб прислонился к стене напротив. У него всё ещё оставалась возможность объяснить матери, что случилось. Он даже начал:

— Мы кое-что неправильно сказали.

Мать медленно подняла глаза.

— Что именно?

Он рассказал об адресах. По мере рассказа ошибка становилась всё грубее. Из защитного поступка она превращалась в две легко проверяемые выдумки, которые совершили взрослые люди, предупреждённые об ответственности.

Лариса Павловна слушала, не перебивая. Потом взяла его за запястье, ниже царапин.

— Господи, Глеб.

Он ждал упрёка. Даже хотел его: мать рассердится, объяснит, как исправить, позвонит кому-нибудь из бывших школьных родителей, которые давно стали важными взрослыми. Так происходило в детстве. Она находила человека, умела попросить, не боялась кабинетов.

Но мать сказала другое:

— Вы теперь хоть не начинайте каждый своё. Сначала домой приедем. Спокойно всё вспомним.

— Тут нечего вспоминать. Уля у меня не была.

— Я поняла.

— И я у вас не был после девяти.

— Глеб, я поняла.

Она отпустила его руку.

Из кабинета вышла Ульяна. На её лице появилась та неподвижность, с которой она когда-то возвращалась от школьного завуча: не показывать ничего, пока не дойдёт до безопасного места.

Мать встала.

— Поехали. Дома поедите.

— Мне нужно забрать вещи, — сказала Ульяна.

— Вот и заберёшь. Глеб довезёт.

— Я не просила.

— А я разве говорю, что просила?

Они спустились втроём. Глеб держал пакет за неповреждённую ручку и время от времени проверял пальцами, не расходится ли надрыв. Он думал о том, как легко было бы остаться, вернуться к Беловой и произнести простую фразу.

Вместо этого он открыл машину для матери и сестры.

Глава 4. Порез на ладони

Мать села впереди, хотя обычно уступала это место Ульяне. Сестра устроилась за Глебом и сразу отвернулась к окну.

До Мостовой ехали молча. На светофоре Лариса Павловна попросила убавить печку, потом прибавить: холодный воздух шёл ей в лицо, а ноги мёрзли. Глеб изменил направление потока. Ульяна открыла окно на палец.

У дома не оказалось места. Глеб остановился дальше, возле мусорной площадки, и мать вышла прежде, чем он успел предложить высадить её у подъезда. Она несла свой пакет с пальто, прижимая к себе свободную руку.

— Локоть болит? — спросил он.

— Ударилась. Вечно тороплюсь.

— Где?

— Дома. Я уже не помню.

Она сказала это без раздражения, как о привычной неприятности. Глеб забрал пакет. Ульяна шла впереди. На верхней ступеньке остановилась и стала ждать, пока мать достанет ключ.

— У тебя своего нет? — спросил Глеб.

Сестра молча показала забинтованную ладонь. Ключ лежал в левом кармане; правой рукой она держала телефон и маленькую сумку. Глеб взялся помочь, но она переложила сумку на плечо и достала сама.

В квартире ещё стоял запах вчерашнего праздника: яблоки, жареное мясо, цветы в тёплой воде. Обрезанная свеча лежала у сахарницы. Мать убрала её в ящик, как только заметила взгляд сына.

— Садитесь. Я разогрею.

Ульяна прошла мимо кухни.

— Мне надо вещи сложить.

Глеб снял куртку и повесил её на крючок. Рядом висел тёмно-зелёный плащ, которого он не помнил на матери. Длинный пояс тянулся почти до пола. Он подоткнул конец в карман, чтобы не наступить.

Из комнаты Ульяны донёсся короткий стук. Он заглянул.

Сестра стояла на коленях перед открытым ящиком письменного стола. Вокруг лежали альбомы, провода, круглые отражатели в чехлах. Она пыталась удержать коробку локтем и намотать на неё скотч. Лента сбилась и приклеилась сама к себе.

— Давай.

— Я сделаю.

Глеб сел напротив. Ничего не трогал. Ульяна повозилась ещё немного и бросила рулон ему.

— Только не поверх надписи.

На крышке было написано: «Мои. Не выбрасывать». Буквы старые, выцветшие, некоторые обведены заново.

— Кто выбрасывал?

— Никто. Так, на всякий случай.

Он склеил коробку. Следующая оказалась надорванной снизу, и пришлось искать другую. Ульяна сказала, что есть у шкафа. Там стояла новая упаковка от пылесоса. Мать принесла пылесос ей на день рождения прошлой зимой, хотя убирали им всю квартиру.

— Ты куда собираешься? — спросил Глеб.

— Пока не решила, что тебе ответить.

— Можно правду.

Ульяна посмотрела на него поверх коробки.

— Можно. Если она потом не станет новостью для всех.

Он хотел сказать, что не имеет привычки сплетничать. Но всякий раз, когда сестра делилась чем-то трудным, он звонил матери: посоветоваться, предупредить, успокоить. Ульяна однажды попросила его этого не делать. Он ответил, что мать всё равно заметит.

— Я никому не скажу адрес, если ты не хочешь.

— Ты ещё его не знаешь.

— Ну вот. Говорю заранее.

Она не ответила. Стала вытаскивать из ящика папки. Одну раскрыла, проверила, не осталось ли внутри чего-то лишнего, и убрала в отдельный пакет.

Глеб увидел фотографию матери на морском берегу. Старую: Ульяне было тогда лет десять. Лариса Павловна стояла в воде по колено, держа над головой чужую панаму. На заднем плане отец смеялся, закрывая лицо ладонью. Панаму мать отняла у него и не возвращала.

— Откуда это?

— Из коробки на антресоли. Я сканировала.

— Мне скинешь?

— Потом.

Он ещё раз посмотрел на мать, поднявшую руки. Не сразу признал в молодой женщине ту, которая сейчас гремела крышкой кастрюли. Захотелось отнести фотографию на кухню. Ульяна прикрыла папку прежде, чем он попросил.

— Дай пока доделать.

Глеб потянулся к следующей коробке. Сестра резко отдёрнула левую руку: край картона задел повязку.

— Больно?

— Если задевать — да.

— В больницу ходила?

— Утром. До того как сюда вызвали.

— Что сказали?

— Обработали. Сказали перевязывать. Пальцы работают.

Она пошевелила ими в доказательство, хотя он не просил.

Большой палец согнулся осторожнее остальных.

— У Дениса порезала?

Ульяна перестала двигать рукой.

— Да.

— Чем?

— Стаканом.

В проёме появилась мать с тарелкой. Поставила её на письменный стол между объективом и стопкой конвертов.

— Хоть по кусочку возьмите. Нельзя совсем не есть.

Ульяна сдвинула объектив.

— Мама, здесь техника.

— Я вижу. Не на технику поставила.

Лариса Павловна оглядела коробки. Поправила завёрнутую кромку ковра носком тапочки.

— Куда ты всё это?

— Перевезу.

— Сегодня?

— Что смогу.

— После такого дня можно было бы и остаться с нами.

Глеб услышал «с нами» и только потом понял, что сам не собирался оставаться. У него была своя квартира и право вернуться туда без объяснения. У сестры отдельное жильё пока ещё требовало оправданий.

— Ей вещи надо, — сказал он.

Мать повернулась к нему.

— Я не запрещаю. Просто не понимаю, зачем именно сейчас.

Ульяна взяла кусок хлеба с тарелки и стала есть стоя. Лариса Павловна сразу подвинула ей табурет.

— Руку покажи.

— Она перевязана.

— Я не собираюсь срывать. Посмотрю, не туго ли.

Мать взяла её за запястье. В этом движении была уверенность, которую Глеб хорошо помнил: высокая температура,

заноза, грязный бинт после падения с велосипеда. Тогда мать всегда знала, что делать, и её пальцы успокаивали ещё до мази или йода.

Ульяна позволила посмотреть.

— Вот, с краю подмокло. Я тебе вечером сменю.

— Я сама.

— Одной рукой?

— Как-нибудь.

Мать отпустила её. На секунду её лицо стало усталым, беззащитным. Глебу захотелось попросить сестру хотя бы не спорить из-за бинта.

Вместо этого он взял коробку.

— Эту в машину?

Ульяна кивнула.

* * *

Пока он носил вещи, позвонили с работы. Управляющий спросил, сможет ли Глеб всё-таки выйти в воскресенье. Вопрос был обычным; от этого отвечать оказалось почти невозможно.

Глеб сказал, что у него погиб знакомый.

На другом конце помолчали.

— Понял. Соболезную. А на понедельник рассчитывать?

Глеб согласился. За последнюю неделю у него было две продажи, и одну покупатель собирался отменить из-за задержки фасадов. Деньги требовались как прежде. Денис умер, но остаток долга не превратился от этого в свободную

сумму.

Во дворе Глеб поставил коробку на капот и открыл сообщение от Жанны. Она спрашивала, что с воскресеньем, и просила не тянуть до утра.

Он написал: «Пока не знаю». Стер. Написал: «К бабушке завтра не поедem. Денис умер. Я тебе потом позвоню».

Ответ пришёл быстро: «Позвони сейчас».

Он рассказал столько, сколько мог произнести вслух посреди двора. Жанна спросила, что значит «погиб». Глеб сказал, что его нашли в студии и сейчас разбираются. Сыну попросил пока не говорить подробностей.

— Что ты уже ему сказал? — спросила она.

— Ничего. Я же тебе звоню.

— Хорошо. Тогда вместе решим. Он Дениса знает.

Денис снимал Даню на школьную анкету, учил, как не щуриться на солнце, дал подержать камеру и потом прислал кадр, который мальчик сделал сам. Глеб забыл об этом. В его голове погибший успел стать человеком из вчерашней ссоры, и только.

— Я завтра заеду к вам, — сказал он.

— Позвони сначала.

Сверху, с шестого этажа, открылась форточка. Мать высунулась и крикнула, что Ульяна забыла чехол. Глеб поднял руку: услышал.

В квартиру он вернулся, когда на кухне звонил телефон. Мать сидела за столом, положив перед собой сложенную сал-

фетку. Ульяна стояла у окна. Ни одна не отвечала.

— Кто?

— Надя, — сказала мать.

Глеб не сразу вспомнил фамилию. Потом понял: бывшая жена Дениса.

Лариса Павловна провела ладонью по лицу и приняла звонок.

— Наденька.

После этого она почти не говорила. Только несколько раз повторила «да» и один раз — «мы вчера сидели». Когда звонок закончился, положила телефон экраном вниз.

— Ася не верит. Всё ему пишет.

Ульяна села на подоконник. Глеб остался у двери, держа забытый чехол.

На кухне стало слышно, как в холодильнике включился мотор. Мать долго разглаживала салфетку. Потом сказала, что надо отвезти Наде еды: у неё сейчас голова другим занята. Рита может испечь ещё пирог.

Ульяна заплакала без звука. Слезы текли по лицу, она вытирала их здоровой рукой и сердилась, что они не останавливаются. Мать подошла, обняла её за голову. Сестра сначала замерла, потом прижалась лбом к её животу.

Глеб смотрел на них и чувствовал стыд за всё, что успел подумать на лестнице. Ему захотелось вернуть этот видимый порядок: мать держит дочь, он помогает обеим, за пределами кухни можно ненадолго ничего не знать.

Но Ульяна выпрямилась сама. Взяла стакан воды. Сделала несколько глотков.

— Я поеду, — сказала она.

Мать убрала руку с её волос.

— Сейчас?

— Да.

Глеб довёз сестру до перекрёстка за рекой. Дальше она попросила не ехать: подъедет машина, знакомая поможет. Он начал было возражать — коробки тяжёлые, рука повреждена, чего она стесняется, — но Ульяна уже отстегнула ремень.

— Адрес я тебе скажу, когда буду готова. Не езжай следом.

Глеб перенёс вещи на сухое место под козырьком закрытой пекарни. Сестра встала рядом. Он чувствовал себя так, будто оставляет её ночью на чужой трассе, хотя было четыре часа дня, вокруг ходили люди и подъехавшая машина мигнула фарами.

Ульяна махнула водительнице. Глеб увидел женщину старше себя, светлый шарф, широкий салон с отодвинутым задним сиденьем. Женщина вышла и спросила, это ли все коробки.

— Да, Любовь, спасибо.

Сестра повернулась к брату.

— Я напишу.

Он ждал, что она объяснит ещё что-нибудь. Но Ульяна поблагодарила за помощь и взялась за лёгкую коробку здоро-

вой рукой.

Глеб уехал. На следующем светофоре остановился и долго смотрел в зеркало, хотя пекарню оттуда уже нельзя было увидеть.

Глава 5. За чужой дверью

В воскресенье Глеб приехал с новым чайником.

Курьер наконец привёз заказ, и теперь коробка мешала ему на переднем сиденье. Жанне чайник был не нужен. Матери он обещал занести его позже. Но выйти из машины без чего-нибудь в руках оказалось трудно, и Глеб взял покупку, как человек, у которого есть уважительная причина для визита.

Жанна открыла и посмотрела на коробку.

— Это зачем?

— Маме. Пока у вас поставлю.

— Поставь у двери.

В прихожей стояли те же ботинки, на крючке висела Даниина куртка. За два дня ничего не изменилось. Глеб испытал короткое, почти физическое облегчение от знакомого порядка: сюда ещё не проникло то, что случилось со студией, протоколами и его сестрой.

Потом из комнаты вышел сын и спросил:

— Пап, дядю Дениса убили?

Глеб посмотрел на Жанну.

— Я сказала, что его нашли мёртвым и выясняют, что произошло, — произнесла она. — Даня спрашивает тебя.

Мальчик был уже одет, хотя никуда не собирались. Вместо футболки с космонавтом на нём был чёрный джемпер;

волосы торчали с одного бока. Он держал в руке ту самую открытку со свечами. Видимо, приготовил заранее, до отмены поездки.

— Похоже, да, — сказал Глеб. — Но я знаю мало.

— А кто?

— Пока не знаю.

Даня посмотрел на его руку. Глеб машинально спрятал её за коробку и сразу поставил чайник на пол.

— Это я раньше поцарапал. О дверь. К тому, что случилось с Денисом, это отношения не имеет.

Жанна не сводила с него глаз.

— Мы к бабушке из-за этого не едем? — спросил Даня.

— Да. У неё сейчас много...

Глеб остановился. «Много дел» звучало так, будто смерть знакомого была неудобством в расписании.

— Ей тяжело. И я не знаю, как будет проходить день. Давай открытку пока у тебя оставим.

Мальчик кивнул. Положил лист на тумбу рисунком вниз.

Они прошли на кухню. Жанна поставила перед сыном тарелку с разогретой запеканкой, перед Глебом — чашку. Он заметил, что она налила ему кофе без вопроса, как раньше, и заставил себя не придавать этому значения.

Даня спросил, больно ли было Денису. Глеб ответил, что не знает. Потом мальчик спросил, закроют ли студию. Потом рассказал, что обещал прислать Денису фотографии соревнований, но забыл.

— Ты в этом не виноват, — сказала Жанна.

— Я знаю.

Он ковырнул запеканку вилкой.

— Просто теперь не пришлю.

Глеб предложил посмотреть снимки вместе. Сын принёс телефон. На первой фотографии в кадр попала половина пальца, на второй почти ничего не было видно из-за сетки ограждения. Даня сам говорил, что получилось плохо. Глеб удержался от привычного «зато старался» и спросил, какую фотографию тот выбрал бы показать Денису.

Мальчик листал долго. Остановился на парне, который сидел возле дорожки с развязанными шнурками и смотрел на мокрые ладони.

— Он до этого всех обогнал. А здесь как будто проиграл.

— Хороший кадр, — сказал Глеб.

— Ты просто говоришь?

— Нет. Я вижу, что ты хотел снять.

Когда Даня ушёл в комнату, Жанна закрыла дверь кухни, но не до конца.

— Теперь рассказывай.

Глеб начал со студии. Пересказал ссору с Денисом, сумму долга, порезанную руку. Не стал говорить, что спорил ещё и про сестру: это казалось отдельным, не относящимся к вопросу. Жанна перебила:

— Почему следовательно ещё со мной не связалась?

Он помолчал.

— Потому что я не сказал, что был здесь.

Она медленно отодвинула сахарницу, освобождая перед собой место, хотя ничего туда ставить не собиралась.

— А что сказал?

Он рассказал.

Жанна слушала до конца. Потом встала, достала телефон с зарядки и положила его на стол.

— Дай номер следователя.

— Подожди.

— Зачем?

— Я сначала с адвокатом поговорю. Мы с Улей...

— Ты меня не включай в это «мы».

Глеб почувствовал, как у него нагревается шея.

— Я тебя и не включал. Наоборот, не хотел сюда тянуть.

— Ты пришёл сюда в тот вечер. Это уже случилось. Теперь ты хочешь, чтобы я сделала вид, будто не случилось.

— Я не прошу тебя врать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.